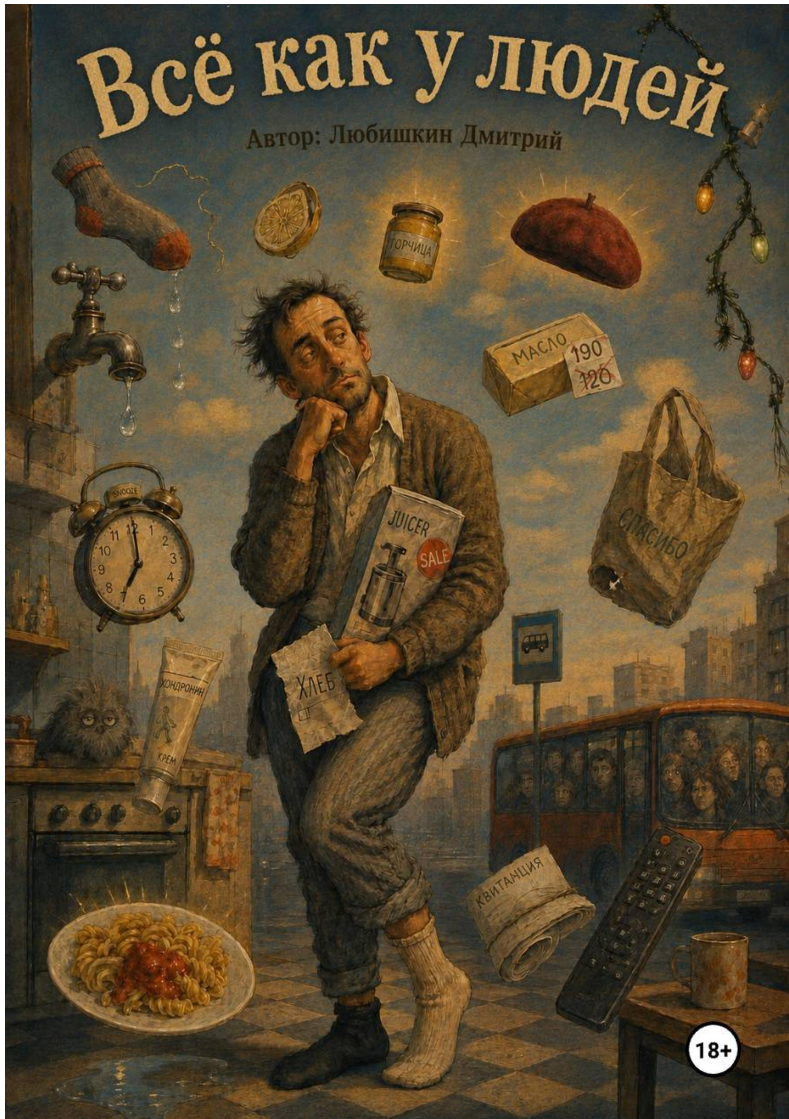

Всё как у людей

Автор: Любишкин Дмитрий

18+

Дмитрий Любишкин

Всё как у людей

<https://litres.ru/74423097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот рассказ начинается с предательства: будильник, заведенный вашей же рукой, звенит в 7:00. В зеркале — человек, мечтавший о бюро в Берлине, а теперь знающий накладную ТОРГ-12. Дальше — автобус с плотностью нейтронной звезды, очередь в поликлинике и ложь маме, что на обед был борщ, а не сырок с холодным кофе.

Вы думаете, это комедия? Да, вы будете хохотать в метро и шептать: «Откуда он знает?!»

А потом — где-то между обугленным шашлыком и сыном, спросившим, зачем учить умножение, если инфузория живет без мозгов, — вы остановитесь. Что-то застрянет в горле. Ваша собственная жизнь, которую вы откладывали на «потом», не заметив, что черновик оказался единственным экземпляром.

Осторожно: вызывает острое желание позвонить маме, обнять ребёнка и оставить жёлтое пятно на потолке в покое.

Содержание

ГЛАВА I. Одноглазая разведка, или Великий утренний торг	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Любишкин

Всё как у людей

ГЛАВА I. Одноглазая разведка, или Великий утренний торг

Знаете, вот я подумал... Я подумал недавно — а ведь просыпаться — это, если так, положив руку на сердце, довольно странное занятие. Ну то есть — странное в том смысле, что мы это делаем каждый день. Каждый. Понимаете? Не почти каждый, не через день, не по настроению — а каждый. И никто нас об этом, между прочим, не предупреждал. Никто не подошёл и не сказал: «Слушай, дорогой, ты будешь просыпаться каждое утро всю жизнь, ты как — согласен? Готовься». Нет. Просто в какой-то момент это началось, и всё, и с тех пор — идёт.

И вот вы засыпаете. Вы засыпаете и как будто в глубине души — ну совсем в глубине, там, куда даже вы сами обычно не заглядываете — вы всё-таки надеетесь. Втайне. Что вот — раз! — и что-то там наверху щёлкнет, сломается, заклинит, и утро... ну не то чтобы отменят совсем, а — отложат. Ну хоть на полдня. По техническим причинам. Как рейс в аэропорту. «Уважаемые пассажиры, в связи с погодными

условиями завтрашнее утро откладывается на неопределённый срок, приносим свои извинения». И вы бы так — м-м-м... — повернулись бы на другой бок, зарылись бы носом в подушку, и...

Но нет.

Звенит будильник.

И у него, у этого будильника, — я сам его выбирал, между прочим, сам платил за него деньги, — у него такой звук... Как бы это сказать... Он звенит так, как будто он на вас обижен. Лично. За что-то. Ну то есть вы вроде бы ничего ему не сделали, вы просто живёте свою жизнь, а он — он звенит с такой интонацией, будто вы у него в детстве отняли велосипед. Или как будто вы должны ему денег и вот уже второй месяц не отдаёте. Такой... мстительный звон. Причём вы же его сами вчера завели. Своей же рукой. На семь ноль-ноль. Вы сами, сами приговорили себя к этому утру — а в момент звонка испытываете такое чувство, знаете, как будто вас предали. Как будто вас разбудил не собственный будильник, а какой-то посторонний нехороший человек, тайком пробравшийся в квартиру.

И вы лежите. Сначала не двигаетесь совсем. Абсолютно. Как мышка. И только один глаз — понимаете, один! — приоткрываете. Один. Потому что открыть сразу оба... нет. Открыть сразу оба глаза — это, знаете, всё. Это капитуляция. Это как подписать какой-то там пакт о полной и безоговорочной. Это значит — да, я согласен, я взрослый, у меня

ИНН, я плачу налоги, я иду. А одним глазом — это ещё как будто вы подглядываете. Как будто вас там ещё нет. Как будто это ещё разведка, а не сама война.

И вот в этот один глаз — в эту щёлочку — сразу же, ментально влетает весь мир. Причём не какой-то там красивый мир с горами и водопадами. Нет. Влетают: неоплаченный счёт, капающий кран на кухне — он капает с прошлой недели, я его слышу даже во сне, — совещание в одиннадцать, и то, что вчера забыли купить хлеб. И ещё — что надо чистить зубы. И надо дышать. Это тоже — надо.

А над вами — потолок. Просто потолок. Обычный, побелённый, с крапинками. И в углу — желтоватое пятно от старой протечки. Небольшое такое. Оно напоминает... ну знаете, если долго смотреть — оно похоже на Камчатку. Ну вот прямо — Камчатка. Полуостров. Со всеми изгибами. Я на него смотрю уже второй год. Каждое утро. Каждое, представляете? Я мог бы его убрать давно. Мог бы. Я знаю, где продают шпаклёвку. Я даже, кажется, покупал её — она стоит где-то на балконе. Но я ничего не трогаю. И знаете почему? Я долго думал — почему? И вот что я понял. Потому что если его закрасить — то у меня в жизни исчезнет единственная неподвижная точка. Единственная. Всё остальное шевелится, дёргается, меняется — курс валюты меняется, начальники меняются, зубы у меня один уже, извините, выпал, — а пятно держится. Оно есть. Оно — как якорь. И в этом, знаете, есть даже что-то трогательное. Что-то почти родственное.

И вот тут начинается самое унижительное. Начинается торг. Утренний торг. Я думаю, что это, между прочим, вообще самая позорная процедура во всей человеческой жизни. Потому что вы — взрослый мужчина, вы, между прочим, читали Кортасара, — вы сейчас лежите и торгуетесь. С кем? С самим собой. С реальностью. С Господом Богом. Вы думаете: ну вот ещё пять минут. Пять минут — это же ерунда. Что такое пять минут в масштабах вечности? Ничего. Пылинка. А если, думаете вы, я не буду чистить зубы две минуты, а почищу только одну — я выиграю целую минуту. А если я вместо рубашки надену свитер — то мне не надо будет гладить рубашку, а это ещё, может быть, минут пять. А если я вообще не буду завтракать, а возьму печенье и погрызу его в автобусе, — то... то я, кажется, могу поспать ещё минут двадцать. Это же почти жизнь!

И вы тычете пальцем в кнопку. Пальцем — вслепую, не глядя. Экран вспыхивает. От этого света вам больно. По-настоящему больно. Как будто вам в глаз плеснули холодной водой. И вы падаете обратно в сон. И это уже не сон, а какое-то... липкое такое состояние. Знаете, есть сны утренние, а есть сны — вот эти. Между двумя звонками будильника. Они всегда самые кошмарные. Мне снится в этих снах всегда одно и то же: я почему-то стою в школе. В своей старой школе. И я в одних носках, причём в разных, и мне надо защищать какую-то диссертацию. И защищать я её должен — вы не поверите — перед моим сегодняшним начальником, Вик-

тором Николаевичем. И Виктор Николаевич сидит в первом ряду и качает головой. И я знаю — знаю точно! — что я эту диссертацию сейчас провалю. И мне так стыдно...

Второй звонок.

Всё. Времени нет. Кончилось время.

Я сбрасываю одеяло. Опускаю ноги на пол. И пол — холодный. Он всегда холодный, между прочим. Всегда! Хоть лето, хоть зима, хоть май, хоть октябрь — пол в семь утра холодный. Я думаю, это какой-то закон физики, ещё не открытый учёными. Закон утреннего пола. Что бы ни делала котельная, что бы ни делало солнце — в семь утра пол под вашей босой пяткой всегда предаст вас.

И ты бредёшь по этому замерзшему линолеуму в разных носках, скользишь, стараясь не шуметь, и чувствуешь себя... ну, знаете, как обвиняемый, которого ведут на оглашение приговора, и одновременно как пациент, ожидающий неприятного диагноза. Полная растерянность и незащитность перед наступающим днём.

И вот я сижу на краю дивана. Сгорбившись. Руки на коленях. И я жду. Жду, пока моя душа вернётся обратно в моё тело. Потому что она — она же где-то ходит ночью, гуляет там, ей же скучно во мне, — и она возвращается медленно, нехотя, как подросток из клуба. И я в этот момент похож — я думаю — на старый ламповый телевизор. У меня был такой в детстве, «Рекорд». Его включаешь — и он ещё минуту

гудит, разогревается, а картинки ещё нет. Только серый снег. Вот я — как этот телевизор. Тело уже гудит, а картинки нет.

Потом — носки. Это отдельная тема. Носки. Ну как это устроено — я не понимаю. Один носок — вот он. Всегда на месте. Аккуратненький. Валяется на стуле. А второй — куда он девается ночью, объясните мне? Куда? Я иногда думаю — у меня в квартире где-то есть портал. Небольшой такой. И туда уходят вторые носки. И где-то в параллельной вселенной уже целая гора моих левых носков. И вот я ползаю на четвереньках. Взрослый мужик, сорок два года, координатор проектов, — на четвереньках, под кроватью, среди пыли. И вытаскиваю какой-то тёмный. Надеваю. Уже на кухне, при свете, вижу — один чёрный, другой синий. И что вы думаете? Я снимаю? Нет. Я не снимаю. Я оставляю. Потому что — а кто увидит? Кому в утреннем автобусе есть дело до моих носков? Там людям бы своё лицо не потерять.

Шкаф. Открываю шкаф — а он не открывается. Он забит вещами так плотно, что дверцы сцепились между собой. И там всё есть — там пиджаки, рубашки, футболки, свитера, — а надеть нечего. Это, между прочим, тоже такой феномен. Полный шкаф — и нечего надеть. Я выдёргиваю рубашку — она вся в складках. Погладить? До выхода — восемь минут. Гладить я не могу. Я не буду гладить. Я надеваю сверху кардиган. Кардиган серый, у него внизу нитка распустилась — но кардиган прикрывает мятую рубашку, а моя лёгкая сутулость, которую я специально не выпрямляю, прикрывает

распустившуюся нитку. И это, я вам скажу, работает. Это на самом деле — целая система. Я называю это «городской камуфляж». Каждый мужчина после сорока имеет свой камуфляж.

Ванная. Зеркало. И из зеркала на меня смотрит — ну, честно говоря, — какой-то незнакомый мне человек. Сорок два года. Мешки под глазами. Щетина двухдневная, потому что мне лень бриться этим станком. И взгляд у него такой... удивлённый. Как будто он спрашивает: «Как? Это я? Правда? А где тот, другой?»

Потому что был же другой. Был же. Пятнадцать лет назад. Он сидел на парапете набережной, у него в руках был Кортасар, у него была девушка Наташа, и он собирался — обязательно — написать книгу. Или уехать в Берлин и открыть там архитектурное бюро. Или, на худой конец, стать журналистом и писать репортажи из горячих точек. И вот тот, из зеркала, — это он. Только он теперь координатор проектов отдела региональной логистики. Он умеет очень хорошо работать в Excel. Он отличает накладную ТОРГ-12 от товарно-транспортной. Он молодец.

Чайник. Чайник — это, знаете, единственная вещь на кухне, которая меня не раздражает. У него хороший звук. Он булькает, шипит, потом щёлкает — и всё. И готово. И я достаю Кружку. Кружку с большой буквы. Потому что у каждого человека есть Своя Кружка. Есть шесть чашек в шкафу — красивых, тонких, — но я пью только из этой. Она

тяжёлая, фаянсовая, у неё край отбит около ручки. Мне её подарили на позапрошлой работе, и я даже не помню, кто. Но если она грязная — я не возьму другую. Я буду её мыть. Стоять и оттирать чайный налёт. Потому что пить утренний кофе из другой чашки — это... ну это как надеть чужие тапочки. Всё будет не то. Кофе будет не тот. Температура будет не та. И день покатится.

Наливаю кипяток. Сыплю растворимого кофе — две ложки, — бросаю сахар. Делаю первый глоток. И — обжигаюсь. Каждое утро. Каждое, я не преувеличиваю. И каждое утро я про себя тихо ругаюсь. Уже, казалось бы, за столько лет должен был запомнить. Нет.

Ну всё. Куртка. Ключи. Дверь. До вечера, квартира. До вечера, Камчатка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.